

About some problems of the logic of constructing corpus delicti in Chapter 28 of the Russian Criminal Code

I. D. Prudnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-292-299

Research article
Full text in Russian

This article identifies a set of shortcomings related to deviations from the requirements of formal logic in the process of constructing the corpus delicti of Chapter 28 of the Russian Criminal Code. Thus, the content of a number of articles is broader than the title of a chapter or a specific article, which does not comply with the rule of proportionality of the division of the concept. In addition, non-compliance with the rule of unity of the basis of division is revealed - crimes are grouped into chapters based on the subject of the crime, and not the object of criminal law protection, which contradicts the general approach to building the hierarchy of the Special part of the Russian Criminal Code. As an example of a discrepancy with the rule of continuity of division, the practice of combining qualifying features with different differentiating meanings within one part is given. In the context of violations of the rule of clarity of definition and the law of identity, the use of evaluative features by the legislator and the lack of a unified approach to fixing definitions of technical terms used in Chapter 28 of the Russian Criminal Code are considered. Finally, specific ways to improve criminal legislation are proposed for each block of identified flaws.

Keywords: chapter 28 of the Russian Criminal Code; formal logic; the law of identity; division of the concept; definition of the concept

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Prudnikov, Ilya D. | E-mail: ilya.prudnikov.97@gmail.com
Postgraduate

For citation: Prudnikov I. D. About some problems of the logic of constructing corpus delicti in Chapter 28 of the Russian Criminal Code // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 3. P. 292-299. (in Russ.)

О некоторых проблемах логики построения составов преступлений в гл. 28 УК РФ

И. Д. Прудников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-3-292-299
УДК 343.3/.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В настоящей статье выявляется набор недостатков, связанных с отступлениями от требований формальной логики в процессе конструирования составов преступлений гл. 28 УК РФ. Так, содержание ряда статей шире, чем наименование главы или конкретной статьи, что не соответствует правилу соразмерности деления понятия. Кроме того, обнаруживается несоблюдение правила единства основания деления – преступления объединяются в главу исходя из предмета преступления, а не объекта уголовно-правовой охраны, что противоречит общему подходу к построению иерархии Особенной части УК РФ. В качестве примера расхождения с правилом непрерывности деления приводится практика объединения в рамках одной части квалифицирующих признаков, имеющих разное дифференцирующее значение. В контексте нарушений правила ясности определения и закона тождества рассматривается использование законодателем оценочных признаков и отсутствие единого подхода к закреплению дефиниций технических терминов, используемых в гл. 28 УК РФ. Наконец, к каждому блоку выделяемых изъятий предлагаются конкретные пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: глава 28 УК РФ; формальная логика; закон тождества; деление понятия; определение понятия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прудников, Илья Дмитриевич | E-mail: ilya.prudnikov.97@gmail.com
Аспирант

Для цитирования: Прудников И. Д. О некоторых проблемах логики построения составов преступлений в гл. 28 УК РФ // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 3. С. 292-299.

Большинство изъятий логического спектра, которые будут нами рассмотрены в настоящей работе, вытекают из некорректного оперирования положениями формальной логики, относящимися к закону тождества [1, с. 16–17], а также правилами определения [Там же. С. 50–51] и деления [Там же. С. 56–57] понятия при конструировании текста УК РФ. Эти изъятия приводят к созданию элементов Особенной части УК РФ, не обладающих структурным единством и целостностью, а также к использованию для обозначения существенных признаков преступления терминов с многозначным или отсутствующим содержанием.

1. Изначально остановимся на логических недостатках, связанных с наименованием гл. 28 УК РФ.

1.1. Деяния, описываемые в рамках данной главы, в силу правил формально-логического деления, так или иначе должны быть связаны с воздействием лица на компьютерную информацию. Тем не менее это требование соблюдается лишь в четырёх из девяти статей.

По отношению к ст. 272.1 УК РФ вопросы возникают уже на уровне названия, поскольку перечисленные в нём деяния, связанные с информационными ресурсами, не являются неправомерным воздействием на компьютерную информацию, а лишь создают условия для такого воздействия. Подобная проблема, по сути, дублируется в ч. 6 ст. 272.1 УК РФ с небольшим уточнением – указанием на вариации информационного ресурса (сайта в сети Интернет; страницы сайта в сети Интернет и т. д.), который лицо создаёт или функционирование которого обеспечивает. Остальные статьи гл. 28 УК РФ (ст. ст. 274.2-274.5) вообще не имеют отношения к компьютерной информации.

Таким образом, все обозначенные выше случаи нарушают правило соразмерности деления понятия, поскольку совокупный объём членов деления (конкретных деяний из гл. 28 УК РФ) шире объёма делимого понятия, представляющего собой наименование гл. 28 УК РФ.

1.2. Принято считать, что иерархия преступлений в Особенной части УК РФ строится на основе поэтапного сужения объекта преступления, трактуемого как общественные отношения, взятые под охрану уголовного закона [2, с. 43–44]. Тем не менее подобную трактовку нельзя признать безупречной, поскольку она выглядит «неказисто», когда через её призму рассматриваются некоторые традиционно выделяемые объекты.

Так, с одной стороны, концепция «объект = общественные отношения, взятые под охрану уголовного закона» работает, например, когда мы говорим о преступлениях против собственности, т. е. против выделяемых в гражданском праве отношений, основанных на праве собственности. С другой же стороны, если обратиться, скажем, к обычно выделяемому в преступлениях против жизни объекту, именуемому «жизнь человека» [3, с. 71], и наложить его на предложенную выше концепцию «объект = общественные отношения, взятые под охрану уголовного закона», то получается очень странная формула «жизнь человека – это общественные отношения, взятые под охрану уголовного закона».

Однако в контексте наименования гл. 28 УК РФ важным является то, что относительно такого объекта преступления, как «жизнь человека» или «отношения собственности», хотя бы теоретически может быть пространство для спора, поскольку эти объекты выделяются традиционно. Компьютерная информация в качестве объекта не называется никем. По общему правилу, она является предметом преступления [4, с. 701]. В связи с этим получается, что преступления гл. 28 УК РФ вычлениаются не в рамках постепенно сужающегося объекта уголовно-правовой охраны, а на основании предмета преступления, что явно нарушает формально-логическое правило единства основания деления.

Кроме того, интерес представляют исследования, критикующие словосочетание «в сфере», используемое вместо слова «против» при конструировании глав и разделов УК РФ. Названное словосочетание, как замечают некоторые исследо-

ватели, не соответствует требованиям, касающимся точности языка, единой стилистики и унификации терминологического аппарата, используемого для создания положений уголовно-правового характера, имеющих приоритетную важность [5, с. 115]. Подобная критика видится нам крайне спорной. Как можно говорить о терминологической унификации и о каком стилистическом единообразии может идти речь, если имеют место уголовно-правовые категории разного порядка – предмет преступления и объект уголовно-правовой охраны?

В данном случае простая замена словосочетания «в сфере» на слово «против» не поможет, а, наоборот, даже усугубит сложившуюся ситуацию, поскольку полученная в ходе такого преобразования лексическая конструкция будет формироваться не на основе взятых под защиту уголовным законом общественных отношений, а на основе предмета преступления. Более взвешенной в этом контексте выглядит позиция А. И. Рарога, который отмечает, что используемый вместо термина «против» оборот «в сфере» в наименовании, в частности, гл. 28 УК РФ прежде всего свидетельствует об отсутствии объекта уголовно-правовой охраны [6, с. 26].

Всё сказанное свидетельствует об общей некорректности названия гл. 28 УК РФ, поскольку оно не выделяется на основе объекта уголовно-правовой охраны. Чтобы исправить данную проблему, необходимо обратиться к доктринальным работам, связанным с пониманием объекта гл. 28 УК РФ.

Наименее удачными нам видятся объекты, которые строятся на основе предмета преступления – компьютерной информации. Например, одни авторы в качестве объекта гл. 28 УК РФ обозначают часть общественных отношений, связанных с осуществлением над компьютерной информацией тех или иных операций [7, с. 170]. Т. М. Лопатина под объектом гл. 28 УК РФ понимает набор общественных отношений по защите, а также безопасному и правомерному хранению, использованию и распространению требуемых для нормальной жизнедеятельности общества компьютерной информации и автоматизированных систем обработки информации [Там же. С. 171].

Данные вариации объекта негодны, поскольку не имеют взаимосвязи с объектом уголовно-правовой охраны, обозначенным в наименовании раздела IX. Подобное нарушает правило единства основания деления преступлений в рамках Особенной части УК РФ.

Несколько более удачными выглядят исследования, в которых в качестве объекта гл. 28 УК РФ указывается «информационная безопасность» [8, с. 28], поскольку он хотя бы базируется на групповом объекте уголовно-правовой охраны (общественной безопасности). Тем не менее информационную безопасность всё же сложно признать подходящей «на роль» объекта гл. 28 УК РФ.

Обратимся к работам, изучающим информационную безопасность в контексте уголовного права. Для уяснения содержания представленной вариации безопасности они опираются на Доктрину информационной безопасности РФ [9, с. 26] (далее – Доктрина). Однако и современная Доктрина¹, и Доктрина более ранняя² в кон-

¹ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50, ст. 7074

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Российская газета. 2000. № 187 (с изм. и доп.) (утратила силу).

тексте информационной безопасности говорят об обычной, а не о компьютерной информации.

Кроме того, в ряде случаев к предметам преступлений против информационной безопасности относятся, в частности, такие категории, как «рецепт», «паспорт», «бюллетень», «клеймо», «лицензия» и т. д. [10, с. 40]. Подобное, думается, явно выходит за рамки общественных отношений, о которых речь ведётся в рамках гл. 28 УК РФ.

Учитывая сказанное, информационную безопасность сложно рассматривать в качестве объекта гл. 28 УК РФ. В данном случае, на наш взгляд, наиболее корректным будет говорить о понятии «цифровая безопасность», которое мы определяем, как «состояние защищённости населения в области общественных отношений, складывающихся на основе взаимодействия этого населения с цифровой информацией и базирующимися на ней цифровыми технологиями». Соответственно, наименование гл. 28 УК РФ должно быть изменено на «Преступления против цифровой безопасности».

2. Логические недостатки в конструкциях статей гл. 28 УК РФ.

По общему правилу, в рамках одной статьи закрепляется один вид преступления (включая его разновидности) [11, с. 284]. Путём логического деления в зависимости от усиления общественной опасности и наказуемости деяния (что выступает основанием деления) объём основного состава сужается, а содержание расширяется, в виду чего появляется квалифицированная вариация основного состава. Далее, руководствуясь этим же подходом, образуются более квалифицированные вариации основного состава. В некоторых случаях одна статья, как, например, ст. 200.7 УК РФ, содержит несколько основных составов, что оценивается отрицательно [12, с. 13].

2.1. В ряде статей гл. 28 УК РФ наименование статьи не соответствует её содержанию.

Так, в ч. 1 ст. 273 УК РФ говорится не только о программах, но и об иной компьютерной информации. В ч. 1 ст. 274 УК РФ указывается, в том числе, и на несоблюдение правил эксплуатации оконечного оборудования и доступа к поименованным в статье сетям. Использование тех или иных программ, а также иной информации компьютерного толка (ч. 1 ст. 274.1 УК РФ) не обязательно может быть сопряжено с реальным воздействием на критическую информационную инфраструктуру РФ (далее – КИИ). Да, они могут быть предназначены для названного воздействия, но использоваться, например, в тестовой среде, а не в рамках КИИ. Само же по себе распространение и создание программ либо иной компьютерной информации в принципе не может являться воздействием на КИИ.

В ч. 1 ст. 274.3 УК РФ устанавливается ответственность не только за неправомерное использование абонентского терминала пропуска трафика (далее – АТПТ), но и за обеспечение его работоспособности или относящихся к нему ключевых частей. Ст. ст. 274.4 и 274.5 УК РФ имеют схожую проблему логического характера – в их наименовании речь ведётся лишь об организации определённой деятельности, а в ч. 2 также упоминается и участие в такой деятельности.

Все обозначенные ситуации свидетельствуют о нарушении формально-логического правила соразмерности деления, поскольку объём членов деления (структурных элементов внутри статьи) шире, чем объём делимого понятия (наименования

статьи). Для устранения данных изъянов необходимо: 1) в ст. 273 УК РФ заменить родовым обобщающим понятием «вредоносная цифровая информация» языковые конструкции, относящиеся к вредоносной компьютерной программе и иной информации компьютерного толка; 2) в текст наименования ст. 274 УК РФ внести, помимо прочего, указание на несоблюдение правил эксплуатации окончного оборудования и доступа к перечисленным в ст. 274 УК РФ сетям; 3) из ст. 274.1 УК РФ исключить ч. 1, а также внести в ч. 2 ст. 273 УК РФ новый квалифицирующий признак, закрепляющий неправомерное воздействие на КИИ; 4) в заголовке ст. 274.3 УК РФ обозначить нелегитимное обеспечение работоспособности АТПТ или относящихся к нему ключевых частей; 5) в названии ст. 274.4 УК РФ и ст. 274.5 УК РФ упомянуть участие в деятельности, организация которой запрещается, соответственно, ст. 274.4 УК РФ и ст. 274.5 УК РФ.

2.2. Несоответствием правилу непрерывности деления, на наш взгляд, является также объединение в рамках одной части квалифицирующих признаков, имеющих разное дифференцирующее значение. В частности, отождествляются: 1) группа лиц по предварительному сговору (далее – ГЛППС) и организованная группа (ч. 3 ст. 272; ч. 2 ст. 273; ч. 4 ст. 274.1 УК РФ); 2) тяжкие последствия и создание угрозы их наступления (ч. 4 ст. 272; ч. 3 ст. 273; ч. 2 ст. 274 УК РФ). Подобное нарушает как закон тождества, поскольку в качестве тождественных мыслятся неодинаковые явления, так и правило непрерывности деления, т. к. в рамках одного уровня деления указываются члены деления разных уровней, а следовательно, имеет место ошибка, называемая скачком в делении [1, с. 57].

Для устранения этих недочётов необходимо использовать стандартный «блочный» подход [13, с. 48; 14, с. 94; 15, с. 72] к перечислению квалифицирующих признаков статьи, при котором квалифицирующие признаки, обладающие разным дифференцирующим значением, располагаются в разных частях одной статьи, а обладающие одинаковым дифференцирующим значением – в одной части статьи.

В контексте же приведённых примеров это означает, что признак, относящийся к организованной группе, необходимо перенести в более квалифицированную вариацию основного состава (из ч. 2 в ч. 3 ст. 273 УК РФ; из ч. 4 в ч. 5 ст. 274.1 УК РФ), а признак, закрепляющий создание угрозы наступления тяжких последствий, в менее квалифицированный состав (из ч. 4 в ч. 3 ст. 272 УК РФ; из ч. 3 в ч. 2 ст. 273 УК РФ; из ч. 2 в ч. 1 ст. 274 УК РФ). Кроме того, в ст. 272 УК РФ ГЛППС надлежит расположить на уровне крупного ущерба в ч. 2.

2.3. Использование оценочных признаков нарушает одновременно и закон тождества (поскольку в их рамках могут отождествляться разные мысли), и правило ясности определения (поскольку для раскрытия неизвестного определяемого понятия используются неизвестные признаки). В свою очередь, в рамках гл. 28 УК РФ содержится указание на тяжкие последствия и создание угрозы их наступления. Следовательно, необходимо на законодательном уровне раскрыть содержание обозначенных признаков.

2.4. Гл. 28 УК РФ, в силу своей специфики, оперирует множеством технических терминов. При этом единый подход к их закреплению отсутствует: одни прописаны в уголовном законе (например, «компьютерная информация»); вторые –

в иных законах (в частности, КИИ³); третьи – в иных нормативных правовых актах (допустим, обозначенные в ст. 274.2 УК РФ правила⁴); четвёртые – на уровне правоприменения (скажем, термин «компьютерная программа»⁵); пятые не раскрываются вообще (как «виртуальная телефонная станция» из ст. 274.3 УК РФ).

Когда лексические конструкции не излагаются в УК РФ (прямым, ссылочным или бланкетным способом), нарушается принцип законности (ст. 3 УК РФ) в виду того, что преступность деяния не закрепляется в УК РФ. Если же дефиниции в принципе нет, дополнительно возникает несоответствие закону тождества (поскольку в качестве конкретного понятия можно мыслить что угодно) и правилу ясности определения (т. к. появляется набор неизвестных признаков). Случаи абсолютного отсутствия трактовок понятий приводят к ситуациям, когда обозначенные понятия видятся неочевидными не только для правоприменителя (а соответственно, неясно, как он должен оперировать уголовным законом в процессе своей профессиональной деятельности), но и для среднестатистического человека. В связи с последним возникает абсурдная ситуация: наистрожайшая вариация юридической ответственности – уголовная – на людей распространяется, но понять суть поведения, от которого им надлежит воздержаться, они не могут.

Таким образом, на начальном этапе надлежит хотя бы раскрыть употребляемые в уголовном законе понятия, которые не имеют никаких дефиниций, а в последующем закрепить все определения прямым, ссылочным или бланкетным способом в УК РФ.

Ссылки

1. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юридических вузов. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 240 с.
2. Кругликов Л. Л. Практикум по уголовному праву. Общая часть: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 224 с. EDN QLRIAY
3. Белясов С. Н. Понятие преступлений против жизни и здоровья в доктрине уголовного права // Право и практика. 2021. № 2. С. 71-76. DOI 10.24412/2411-2275-2021-2-71-76
4. Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс: учебник / Науч. ред. Е. В. Благов. М.: Проспект, 2019. 880 с.

³ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (часть I), ст. 4736.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 августа 2025 г. № 1333 «Об утверждении Правил установки, эксплуатации и модернизации в сети связи оператора связи технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 35, ст. 5246.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Российская газета. 2022. № 294.

5. Кузнецов А. П., Бачин И. В. Негативные парадигмы конструирования норм главы 22 УК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1. С. 112-118. EDN TMQJBR
6. Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / Отв. ред. А. И. Рагор. М.: Проспект, 2016. 288 с.
7. Лопатина Т. М. Особенности объекта преступлений в сфере компьютерной информации // Бизнес в законе. 2006. № 1-2. С. 169-171. EDN JWQFYX
8. Попов А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 68 с.
9. Калмыков Д. А. Информационные преступления: понятие, вопросы квалификации, проблемы доказывания: текст лекций. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 68 с.
10. Калмыков Д. А. Информационная безопасность: понятие, место в системе уголовного законодательства РФ, проблемы правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 219 с. EDN NNOMVB
11. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Проспект, 2014. 352 с. EDN YHFTJF
12. Благоев Е. В. О подкупе арбитра (третейского судьи) в системе "подкупных" преступлений // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 6-17. EDN UIBAPV
13. Иванчин А. В. Подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ): проблемы совершенствования закона // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 44-49. EDN BGYISA
14. Бражник С. Д. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (статья 274.1 УК РФ): о некоторых проблемах дифференциации ответственности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 92-101. EDN GDRISB
15. Основные проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России: монография / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 372 с.